

Social science and innovation
SOCIAL SCIENCE AND INNOVATION

ISSN 2992-9180
E-ISSN 2992-9180

Social Science and Innovation

SOCIAL SCIENCE AND INNOVATION

2026-YIL OKTABR SONI

O'zbekistonda ilmiy nashrlarning ochiq kirishli platformasi: ijtimoiy fanlar va innovatsiyalar bo'yicha taqrizlanadigan ilmiy jurnal.

OPEN ACCESS ACADEMIC JOURNAL

supportresult.uz@gmail.com

RESEARCH | SOCIETY | INNOVATION

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В РАССКАЗЕ В. Я. ШИШКОВА «КРАЛЯ»

Жалилов Жавохирбек Зокиржон угли

преподаватель кафедры русского языка и литературы, Гулистанский государственный университет, Узбекистан

Халилова Одина Каххор кизи

студентка филологического факультета, направление «Филология и обучение языкам (русский язык)»

Аннотация. В тезисах анализируется социально-психологический образ Евдокии (Дуни) в рассказе В. Я. Шишкова «Краля» (1913). Рассматриваются семантика заглавия, речевая характеристика, социальная зависимость героини, позиция доктора Шера и композиционная роль финала. На основе текстуального и структурно-поэтического анализа показано, что внешняя оценка привлекательности женщины постепенно уступает место раскрытию её жизненного опыта. Делается вывод о взаимосвязи психологизма и нравственного конфликта, возникающего из несовпадения точек зрения персонажей.

Ключевые слова: В. Я. Шишков; «Краля»; женский образ; психологизм; социальный конфликт; речевая характеристика; композиция; точка зрения.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERIZATION OF THE FEMALE PROTAGONIST IN V. YA. SHISHKOV'S "KRALYA"

Abstract. The paper examines the socio-psychological portrayal of Evdokia (Dunya) in V. Ya. Shishkov's short story "Kralya" (1913). It focuses on the meaning of the title, the heroine's speech, her dependence on social circumstances, Doctor Sher's perspective, and the function of the ending. Close reading and structural-poetic analysis reveal how an initial emphasis on physical attractiveness gradually gives way to a more complex understanding of the protagonist's experience. Special attention is paid to the contrast between Dunya's attempts to preserve personal dignity and the coercion exercised by male figures. The story's delayed disclosure of decisive circumstances prompts readers to reconsider earlier judgments. It is argued that the female character's psychological depth emerges from the interplay of dialogue, competing viewpoints, and the moral conflict between sympathy and a genuine willingness to understand another person.

Keywords: Vyacheslav Shishkov; Kralya; female character; literary psychologism; social conflict; speech characterization; narrative perspective; composition.

Проблема женского образа в русской прозе начала XX века связана не только с изображением индивидуального характера, но и с художественным осмыслением общественных отношений, ограничивающих возможность самостоятельного выбора. В рассказе В. Я. Шишкова «Краля» (1913) судьба крестьянки Евдокии (Дуни) раскрывается через столкновение личного чувства, социального неравенства и насилия. Сначала героиня предстаёт в восприятии окружающих прежде всего привлекательной женщиной, однако развитие сюжета выявляет скрытые обстоятельства её жизни [1, с. 33–52]. Цель исследования — определить, как посредством именования, диалога, жеста и повествовательной перспективы создаётся социально-психологическая сложность образа. Методологически значимо разграничение внешней и внутренней точек зрения, разработанное Б. А. Успенским [2, с. 111–112]. Выводы относятся к рассказу «Краля», а не ко всему творчеству писателя. Заглавие произведения обладает не только назывной, но и оценочной функцией. В бытовом употреблении слово «краля» связано с представлением о женской красоте, но у Шишкова оно прежде всего воспроизводит чужой взгляд на героиню. В начале рассказа персонажи обсуждают её внешность ещё до того, как читателю становится известна её личная история [1, с. 33–52]. Тем самым заглавная номинация становится условием дальнейшего переосмысления образа.

Показательно движение от характеристики «краля» к индивидуализирующим именованиям «Евдокия Ивановна» и «Дуня». Прозвище обращает внимание на впечатление окружающих, тогда как личное имя сопровождает раскрытие переживаний и жизненного опыта женщины. В

исследовании композиции Б. А. Успенский подчёркивает, что разные наименования одного лица могут выражать несовпадающие позиции наблюдателей [2, с. 38–39]. Применительно к рассказу Шишкова этот подход позволяет увидеть в выборе имени средство характеристики отношений между персонажами.

Важнейшее средство изображения внутреннего мира Дуни — её собственная речь. Когда доктор Шер восторженно говорит о красоте героини, она отвечает с заметным недоверием к ценности такого восхищения. Для доктора красота служит основанием романтического увлечения; для женщины важнее повседневная безопасность и возможность изменить неблагоприятную жизнь. Этот контраст показывает: прямая речь несёт психологическую информацию без обязательного развёрнутого авторского комментария [1, с. 33–52].

В другой сцене Дуня резко возражает доктору, когда тот пытается расспрашивать её о личных отношениях так, словно обладает правом контроля. Реплика обнаруживает потребность героини защитить границы собственной жизни, но вслед за протестом в её поведении проявляются осторожность и стремление не потерять возможную поддержку [1, с. 33–52]. В результате психологизм возникает из столкновения интонаций, речевых жестов и ситуативных реакций. Теоретически здесь важно различать то, что доступно внешнему наблюдателю, и то, что известно о внутреннем состоянии действующего лица [2, с. 111–112].

Социальная зависимость и мотив принуждения

Социальный статус героини обозначен словом «солдатка». Отсутствие мужа, находящегося на службе, не означает её независимости. Лишь в позднем признании Дуня сообщает о жестоком обращении в семье, а в настоящем времени оказывается в опасной зависимости от урядника. Соответственно, поступки, которые со стороны выглядят непоследовательными или легкомысленными, можно рассматривать в контексте страха и вынужденной осторожности [1, с. 33–52]. Такой анализ не оправдывает любую интерпретацию героини, но требует учитывать обстоятельства, прямо обозначенные в произведении.

Урядник воплощает давление, выходящее за пределы частных отношений: его поведение подкреплено властным статусом и угрозами. Неравенство социальных возможностей превращает внешнюю привлекательность Дуни в источник уязвимости, а не гарантированного благополучия. Вместе с тем текст не объясняет исчерпывающе все её решения. Отсюда необходимость разграничивать прямо сообщаемые сведения, впечатления других персонажей и исследовательские предположения. Именно неполнота доступного знания становится существенным художественным условием конфликта [1, с. 33–52].

Позиция доктора Шера и композиционная роль ошибки

Доктор Шер первоначально идеализирует Дуню: восхищение внешностью он переносит на представление о её нравственной безупречности. Его оценка принадлежит персонажу и не должна автоматически приниматься за авторскую позицию. Увидев сцену с участием урядника, доктор трактует её в соответствии со своей ревностью, не располагая полными сведениями. Позднейшее объяснение женщины заставляет читателя поставить под сомнение этот поспешный приговор [1, с. 33–52].

Значимую роль играет пространственная деталь: доктор видит происходящее из ограниченного места наблюдения, а затем переносит неполную зрительную картину на оценку мотивов Дуни. Ограниченность поля зрения соотносится с недостаточностью нравственного понимания. Б. А. Успенский показывает, что при психологическом описании один и тот же эпизод может быть

представлен как субъективное восприятие персонажа или как изложение более полных обстоятельств [2, с. 110–112]. В «Крале» расхождение между увиденным доктором и рассказанным героиней организует важнейший смысловой поворот.

Композиция рассказа строится на последовательном раскрытии необходимой информации. Сначала преобладают чужие оценки внешности Дуни, затем идут сцены сближения с доктором, после чего всё настойчивее возникают признаки тревоги и угрозы. Подробности семейного насилия и принуждения со стороны урядника становятся известны читателю ближе к развязке [1, с. 33–52]. Такой порядок сцен требует переоценить предшествующее поведение героини: то, что прежде воспринималось как игра, после признания приобретает иной психологический смысл.

В финале Дуня пытается объяснить доктору своё положение и обрести поддержку, однако открытое признание не обеспечивает ей освобождения [1, с. 33–52]. Драматизм эпизода заключается не только в крушении романтического ожидания. Доктор оказывается неготовым отказаться от созданного им образа и принять чужой трудный опыт. Так социальная тема соединяется с нравственным вопросом: можно ли считать сочувствие подлинным, если оно исчезает при столкновении с обстоятельствами жизни другого человека?

Природные образы усиливают композиционную завершённость рассказа. Осенняя дорога, движение перелётных птиц, первый снег и мотив весеннего возвращения создают рамку, в которой естественному круговороту противопоставлена неопределённость человеческой судьбы [1, с. 33–52]. Внутренняя мечта доктора о будущем не равнозначна реальному спасению Дуни. Таким образом, пейзаж не просто сопровождает действия, а усиливает разрыв между возможностью обновления и отсутствием перемен в судьбе героини.

Таким образом, социально-психологическая характеристика Дуни возникает из взаимодействия оценочной номинации, речевого психологизма, ограниченной перспективы доктора и позднего раскрытия обстоятельств насилия. Героиня не сводится ни к образу легкомысленной красавицы, ни к схеме пассивной жертвы: стремление к личному достоинству в ней сочетается с вынужденной осторожностью. Рассказ ставит вопрос об ответственности человека за суждение о чужой жизни и демонстрирует нравственную недостаточность внешнего сочувствия. Полученные результаты применимы при изучении ранней прозы В. Я. Шишкова; проблема жанрово-стилевой организации его произведений рассматривается также в современных литературоведческих исследованиях [3, с. 206–213].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Шишков В. Я. Краля // Шишков В. Я. Рассказы / сост., вступ. ст. и примеч. В. Чалмаева. М.: Советская Россия, 1982. С. 33–52.
- [2] Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы. М.: Искусство, 1970. 224 с.
- [3] Ефремов А. С. Жанрово-стилевое своеобразие повестей В. Я. Шишкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2023. № 3. С. 206–213. DOI: 10.26456/vtfilol/2023.3.206.